

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкова

Другая
семья

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии *Н. Каиштыкиной*

Редактор серии *П. Корицкая*

В коллаже на обложке и во внутреннем оформлении
использованы фотографии:

© Viktorya Telminova, Lyuba Alex, LUMIKK555,
Alina Kruk, New Africa / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Колочкова, Вера.

К61 Другая семья / Вера Колочкова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-210904-1

Филипп любил Алису с первого дня их знакомства в институте и долго добивался ее руки. Но этот брак не принес никому счастья, ведь Алиса не испытывала взаимных чувств, а лишь позволяла любить себя.

Страдая от неразделенной любви, Филипп находит утешение в объятиях другой женщины. В этих отношениях он наконец получает те эмоции, которых ему не хватало. Катю устраивает статус любовницы, она искренна в своих чувствах и ничего не требует взамен.

Филиппу приходится жить разрываясь между двумя семьями до тех пор, пока он не попадает в аварию, и это происшествие расставит все по своим местам...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210904-1

© Колочкова В., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Собираюсь жить! Очи видят свет,
Сила есть, и ум не теряет нить...
Сколько уже лет, сколько долгих лет
Собираюсь жить, собираюсь жить!

Собираюсь жить! Сборам нет конца.
Собираюсь все и не соберусь.
Тают в кулаке, вроде леденца,
Сладость детских дней, молодости вкус.

Так и не успел радости вкусить,
Краткий мой апрель, маем ты не стал.
Я существовал, но не начал жить,
И под небом я места не сыскал...

*Михаил Квливидзе,
«Монолог Бараташвили»
в переводе Давида Самойлова*

Часть I

— ...Мам! Ну я же просила — надо белую блузку погладить, а не розовую! Неужели непонятно, мам? Я же все-таки на работу иду, это мой первый рабочий день! И что, я должна появиться в легкомысленной розовой блузке?

Голос Алисы звучал все выше и выше, и, казалось, нотки негодования проникали острыми иглами в приоткрытую дверь спальни.

Жалко, не заснешь теперь. А хотелось лишний часок урвать — вчера поздно лег...

Филипп открыл глаза, повернул голову к окну. Так и есть, за окном туманная дождливая хмарь стоит, с вечера не рассеялась. И голова болит, будто и не спал вовсе. Еще и высокий голос Алисы звучит будто по нарастающей, никуда от него не спрячешься:

— Ну я ведь просила, мам! Ты назло мне все делаешь, что ли? Будто специально хочешь испортить настроение! Я и без того волнуюсь, а ты!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да была бы охота — настроение тебе портить... — вяло откликнулась Клара Георгиевна. — Откуда я помню, какая тебе блузка нужна, белая или розовая. Какую погладила, ту и надевай.

— Ну я же просила, мам! Я еще два раза повторила — белую погладь! Ты не слышала, что ли?

Филипп усмехнулся грустно — бедная Клара Георгиевна... Никогда не может любимой доченьке угодить. Хотя и старается изо всех сил. Так уже перестаралась, что вконец из Алисы балованную принцессу сделала. Нет чтобы ее на место поставить! Мол, чем выговаривать мне все утро, взяла бы сама себе блузку погладила!

Словно услышав его мысли, Клара Георгиевна пробурчала тихо:

— Взяла бы и сама погладила себе блузку, делов-то... Служанка я тебе, что ли?

— Да? А почему ты Филиппу с таким рвением рубашки наглаживаешь, а? — тут же отпаривала Алиса. — Каждое утро — на, дорогой, свежая рубашечка тебя с вечера дожидается! Почему?

— Так он же мне не чужой, он мой зять...

— И что? А я тебе родная дочь, между прочим! И у меня первый рабочий день сегодня!

— Догадываюсь, что и последний... — тихо проговорила Клара Георгиевна.

— Это почему же, мам? Почему ты так говоришь?

Другая семья

— Да потому и говорю, милая доченька. Потому что знаю тебя прекрасно. Ты и работа — понятия несовместимые. Как там у классика говорится, забыла... «Труд упорный ему был тошен» — так, кажется?

Наступившая тишина была угрожающей, и непонятно было, чем она закончится. То ли очередным всплеском Алисиного возмущения, то ли ее обиженными слезами.

— Ну почему ты так говоришь, мам? Почему?

Ага. Получилось обиженное возмущение. Странный микс, Алисе несвойственный.

А Клара Георгиевна молчит почему-то. Хотя да, в данном случае лучше промолчать, чем что-то ответить. Здоровее будешь. Зачем усугублять, в самом деле?

— Ну почему, мам? Ты в меня совсем не веришь, да? Думаешь, я ни на что не способна? Что я могу только на чьей-то шее сидеть?

— Верю, верю всякому зверю... А тебе, ежу, погожу... — миролюбивым смешком отозвалась Клара Георгиевна. — Не сердись, доченька, успокойся! Ничего тут обидного нет, милая! Ты же и сама все про себя понимаешь, из какого теста тебя матушка-природа вылепила! Ты у нас цветок нежный, лазоревый. Домашняя кошечка, хоть и с острыми коготками. Ну зачем тебе эта работа, скажи? Все равно ведь в жестком режиме долго не продержишься. Представь только — каждое утро придется рано вставать... И времени

ВЕРА КОЛОЧКОВА

не будет ни на фитнес, ни на косметолога, ни на магазины...

— А мне надоела такая жизнь, мам! Я тоже хочу в себя поверить, понимаешь? Тоже хочу состояться как личность. Не просто деньги зарабатывать — этим пусть мой муж занимается. Я себя уважать хочу, дело делать хочу. И мне обидно ужасно, что ты, моя мать, этого понять не хочешь!

— Да ладно тебе... Конечно, я понимаю. Хочешь в деловую женщину поиграть — пожалуйста, я разве против? Поиграй...

— Мам... Ты опять?!

— Все, все, больше не буду. Что там тебе надо погладить — давай...

Голоса за дверью спальни смолкли — наверное, Клара Георгиевна пошла гладить Алисе белую блузку. А жаль. Такой диалог был забавный! Целый спектакль! Бурное начало дня... Интересно, это плохой знак или хороший? Непонятно пока.

А теща была неподражаема в своей доброжелательной снисходительности... Как она к месту классика-то вспомнила — «труд упорный ему был тошен!» В саму точку попала! Знает, знает отлично свою доченьку...

А вот и Алиса появилась в дверях спальни. Лицо обиженное, капризное, но как будто еще более красивое. Села на свою половину кровати, закинула ногу на ногу, повела плечами.

Другая семья

Грациозно, неторопливо. Лениво даже. Вот вся она в этом... Ленивая грация, природная беззаботность, обаяние самомнения. Будто разрешает смотреть на себя и любоваться — смотрите, мне не жалко, да только я вас вообще в упор не вижу и не замечаю. Я нежный цветок, я кошечка домашняя, которая гуляет сама по себе. Разрешает себя любить. Хоть разрешает — и за это спасибо...

— Фил, я же знаю, что ты не спишь... — говорила она капризно, тронув его за плечо ладонью. — Ты ведь все слышал, да?

— М-м-м... — промычал он, потягиваясь, — трудно было не услышать... Особенно тебя, дорогая...

— А что, я так громко говорила?

— Ну да. А впрочем, ты всегда так разговариваешь с матерью, на повышенных тонах. И я удивляюсь, почему она это терпит.

— Да нормально я разговариваю! Мама тоже, между прочим, ответить может... Так может, что мало не покажется.

— Да? Ни разу не слышал, чтобы Клара Георгиевна ответила тебе грубо.

— Ну, она же знает, что ты услышишь... А перед тобой она старается выглядеть белой и пушистой. Вот ты и думаешь, что я законченная эгоистка, а мама вроде как жертва. Но это совсем не так... Хотя ладно, что я тебе объясняю... Это наши с мамой отношения, тебе неинтерес-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

но должно быть. Лучше скажи мне, Филипп... Только честно... Ты тоже считаешь, что я ничемная, да?

— Нет, что ты. Вовсе я так не считаю.

Алиса хмыкнула, глянула на него недоверчиво. Но ничего не ответила, только рукой махнула.

А что он должен был сказать, интересно? Чего она от него ждала? Поди-ка, скажи по-другому! Да, мол, не надо тебе на работу идти, какой из тебя работник? Правильно все, мол, Клара Георгиевна сказала, ты у нас цветок нежный, лазоревый. Домашняя кошечка, хоть и с острыми коготками. Нет, ему такие вольности не дозволяются. Что можно матери, того нельзя мужу. Потому что муж должен всегда сознавать, что до него в свое время милостиво снизошли, разрешили надеть колечко на палец. И хватит ему для счастья.

— Да не обманывай меня, Фил... Я знаю, что ты обо мне думаешь. По-твоему, я ничего не представляю как личность. Это ведь ты у нас личность, уважаемый адвокат! Карьеру себе блестящую сделал! А я... А я, выходит, никто. Я всего лишь твоя жена, да?

— Алис... Ты же знаешь... Ты можешь быть хоть какой. Ты моя любимая — этим все сказано. Все, что я делаю, — это все только для тебя... Все ты прекрасно знаешь...

— То есть тебе все равно, какая я есть?

Другая семья

— Ну да... Главное, чтобы ты рядом была, со мной...

— Ага! И чтобы сидела дома, как на привязи, ждала тебя с пирогами! Ведь так?

— Ну, пироги — это уж совсем не твое, допустим. Не преувеличивай, скромнее надо быть, что ты! — попытался он перевести все в шутку.

Но не получилось. Алиса была решительно настроена спорить и доказывать свою правду. Хотя в чем состоит эта самая правда, она и сама не понимала, наверное.

— А что мое, что? Я должна только при тебе быть, и все? Это мое основное занятие? И что я еще должна?

— Да ничего ты не должна... Делай, что хочешь. Разве я тебя обязываю к долгу? Я хочу только одного, чтобы ты... Чтобы мы...

— Знаю, можешь не продолжать. Сто раз уже слышала. Ты любви неземной от меня хочешь.

— Ну почему сразу неземной?

— Но ведь хочешь любви, правда? А это и есть само по себе навязанное обязательство, между прочим. Разве не так?

Филипп ничего не ответил, только вздохнул тихо. Тем более дальше продолжать этот диалог не было никакого смысла. Зачем? Он и без того знает — не любит она его... От слова «совсем». Не умеет она любить. Не вписывается это чувство в шарм обаятельной лени, грации, равнодушного отношения ко всему сущему. Да, все

ВЕРА КОЛОЧКОВА

так... Любите меня, если хотите, если вам так уж это потребно. А от меня ничего такого не ждите. Нет у меня ничего для вас...

Но ведь могла бы и схитрить, и соврать! Хотя на хитрость и ложь во благо тоже движение души нужно. И вообще... Хватит с утра самоистязанием заниматься. Давно привыкнуть пора. Как говорится — что хотел, то и получил. Ведь сам на все согласен был, когда так упорно стремился надеть пресловутое колечко на палец...

— Доченька, я погладила блузку! Иди завтракать, а то опоздаешь! — услышался издали голос Клары Георгиевны.

Алиса поднялась, медленно пошла к двери. Ленивым жестом откинула назад волосы. Показалось, будто плеснула в него небрежением...

Ладно. Ему не привыкать. Как говорится, любовь зла... Хотя окончание этой дурной поговорки к Алисе не относится конечно же.

Полежал еще немного, закинув руки за голову и рассматривая потолок. Надо признать, что утро испорчено. Даже вставать не хочется. Взял и сам себе душу разбередил... Зачем, спрашивается? Будто вспомнил о старой ране, и она сразу заболела.

Да, вставать совсем не хочется. И это хорошо, что ему не надо появляться на работе к определенному часу — хоть в этом плюс. Потому что начальство не опаздывает, начальство задерживается. Но все равно — надо вставать! Чем боль-

Другая семья

ше путаешься в грустных мыслях, тем хуже себе делаешь.

Подскочил с постели, быстро умылся, принял душ, быстро оделся. Заглянул на кухню — поздороваться с Кларой Георгиевной.

— Доброе утро, Филипп... А Алиса уже уехала. Я ей говорила, чтобы тебя дождалась, ты бы ее на работу отвез... Но разве ее переспоришь? Ой, я так волнуюсь, когда она сама за рулем... Тем более по утрам всегда пробки... Ты что на завтрак будешь, Филипп, овсянку или сырники?

— Я ничего не буду, Клара Георгиевна, спасибо.

— Да как же — ничего? Как же можно без завтрака?

— Я опаздываю. До вечера, Клара Георгиевна.

— До вечера, Филипп... Удачи...

Никуда он не опаздывал, просто хотелось уйти побыстрее. Да и тещу не хотелось лишний раз напрягать, ей и без того с утра от Алисы досталось. А позавтракать можно в кафе, по пути на работу. Посидеть, кофе выпить в одиночестве. Мысли в кучку собрать, успокоиться.

Дождя на улице не было, но висела теплая хмарь и даже довольно приятная, насыщенная ароматом сырой земли и опавших листьев. Прежде чем сесть в машину, постоял у ее открытой двери, втягивая в себя пряные запахи. Хорошо... И жизнь так остро чувствуется, так вкусно...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Сев за руль, подумал насмешливо — все же он тот еще романтик. Словно восторженная ба-рышня какая. Ах, осень, ах, листья падают... Вон какой красивый наглец, желтый с прожилками, кленовый, прилип к лобовому стеклу. Откуда тебя сюда занесло, бродяга? Вроде у них во дворе ни одного клена нет...

Завел машину, выехал со двора. На бульваре ветер бросил на лобовое стекло охапку листьев — щедро, с размахом. На, если ты такой романтик, получи, еще получи!

Включил дворники, и они неохотно начали елозить по стеклу, сминая желтую и оранжевую красоту, и словно стыдили его — зачем? Красиво же как, посмотри. Вон и солнце выглянуло, и день будет хороший...

Да, красиво. Да, хорошо. Но отчего тогда в этой красоте душевная тоска чувствуется острее? Может, потому, что это красота увядания, а не расцвета?

А вот и знакомое кафе. Маленькое, уютное. И кофе там отличный дают. И позавтракать можно. Конечно, лучше бы сразу на работу поехать... Но успеется. По крайней мере, минут двадцать в запасе у него точно есть. Работа не волк, в лес не убежит.

Сел за свой любимый столик у окна, заказал подоспевшей официантке стандартный завтрак — тосты, яичницу. Официантка была знакомой, только имя ее забыл — то ли Галя, то ли

Другая семья

Валя... Улыбнулась приветливо, спросила быстро:

— Вам кофе, как всегда, двойной? В большой чашке? Черный, крепкий, сладкий?

— Да, все правильно. Спасибо. Только у меня времени мало...

— А я быстро! Сейчас все принесу!

Официантка ушла, а он все никак не мог вспомнить ее имя. Все-таки Валя, наверное.

Окно кафе выходило на тихую тополиную улицу и вполне могло служить витриной происходящего с той стороны осеннего праздника. Хоть и грустного, да. Праздника увядания. Потому что грустно смотреть, как ветер обнажает тополиные ветки, как уносит, танцуя, желтые листья. Красивое зрелище, но деревья-то после него голыми остаются! Причем надолго! Не успеешь оглянуться, уже и зима...

Он не любил зиму. Не любил раскисшие слякотные дороги, не любил новогоднюю суету, когда надо всем угодить с подарками, не любил злых февральских ветров и обильных снегопадов, затрудняющих городскую жизнь. И потом, эта ранняя темень зимой... Будто и дня не замечаешь. Будто жизнь проносится мимо в сплошной темноте.

Да, скоро зима, черт возьми...

А официантка, то ли Галя, то ли Валя, уже подошла с подносом, ловко расставила на столе заказанную снедь, улыбнулась напоследок:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Приятного вам аппетита... Давайте я вас сразу рассчитаю, вы ведь торопитесь, наверное.

Молодец какая. Заботливая. Надо ей хорошие чаевые оставить. И кофе тоже хороший — крепкий, приличного сорта. И яичница тоже с выдумкой — два желтых глаза, нос из маленького помидора и улыбающийся рот из вырезанной полоски огурца. Даже улыбнуться ей в ответ хочется. Каков повар затейник, надо же! Молодец... Но в первую очередь кофе, конечно же!

Он и не помнил, откуда взялась эта привычка — сначала выпивать чашку кофе, потом уж завтракать. Кажется, мама всегда делает так же... Надо у нее спросить. Хотя Клара Георгиевна всегда этой его привычке ужасается — боже, Филипп, как так можно, желудок испортишь! Надо сначала выпить стакан теплой воды, потом овсянки поесть, а потом уж крепкий кофе... Не станешь же ей объяснять, что он так привык, что ему больше так нравится!

Смешно, но и яичница в кафе ему казалась вкуснее, чем дома. Хотя чего там сравнивать? Просто яйца на сковороде, и все. Никакой разницы нет. Ну, может, разница только в огуречной улыбке, но вкуса-то она все равно не меняет. Тогда почему в кафе кажется вкуснее? Странно, правда? И ладно бы от неприязни к теще это ощущение шло, было бы объяснимо. Но ведь не так! Нет у него никакой неприязни. Даже наоборот... Мама любимой женщины априори —

Другая семья

мама любимой женщины. И все. Только респект и уважуха, и низкий поклон с реверансами. Тем более она его приняла хорошо, можно сказать — распахнулась душевно. А душевность эта сразу чувствуется, ее разыграть невозможно.

Хотя Клара Георгиевна могла бы душой не шибко распахиваться, между прочим! Все-таки жена генерала, не абы как. Вернее, вдова генерала. В квартире генеральской живет, летом на дачу генеральскую переезжает. А его, стало быть, угораздило влюбиться в генеральскую дочку. В Алису. И даже не влюбиться, а по самое не могу в это дело вляпаться. Чуть себя не потерял, да...

Он тогда на третьем курсе юрфака учился, когда увидел ее, первокурсницу. Увидел и понял — она. Та самая. Единственная. Только она, и все. И принялся рьяно ухаживать, из штанов выпрыгивать, как ненормальный. Проходу ей не давал. А она только смотрела на него с холодным удивлением, близко не подпускала. Да что там его — вообще ни на кого не смотрела. Все говорили про нее — странная. Будто замороженная, совсем без эмоций. Снежная королева. Красивая и холодная — не подступись. Никто больше и не подступался — нет так нет. Один он бегал за ней, как одержимый. До того добегался, что она однажды все-таки рассердилась и выдала эмоцию — не ходи за мной, не надо! Все равно я тебя полюбить не смогу, извини!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Он тогда после такого признания чуть не умер. Напился, нахулиганил, мать его из милиции забирала. Пришли домой, она заплакала — да забудь ты эту Алису... Но что она тебе? Других девчонок, что ли, мало? Вон какие у вас красотки на курсе... А он даже слушать не стал, ушел к себе в комнату. Бухнулся на тахту, проговорил упрямо в подушку: все равно я тебя добьюсь, Алиса... Все равно добьюсь... Завоюю. Все равно будет по-моему!

Во дурак был, а? Завоеватель хренов. Да разве можно любовь женскую завоевать? Какая тут война до победного конца может быть? Она что, башня Рейхстага, чтобы героически над ней знамя поднимать? Да, можно доконать ее своей нахальной приставучестью, своей изысканной одержимостью, и да, можно вырвать согласие выйти замуж и колечко на палец торжественно в загсе надеть... Но только любовь тут при чем? Она ведь или есть, или нет, по-другому не бывает. Если только самому придумать, что она есть. Но это уже компромисс, черт бы его побрал! Всего лишь компромисс!

О, как он ее завоевывал, это отдельная песня... С какой страстью, с каким вдохновением! Так ему казалось, по крайней мере. Проходу ей не давал. Цветами засыпал. Подарками. Рассказами, как ей будет с ним хорошо. Как он сделает все, чтобы ее жизнь была счастливой. И сам верил, что все непременно так и будет. Она